

ЛЮБОВЬ И КРОВЬ В СНЕГАХ И ЛЬДАХ

*Есть много способов прощания, -
сказал он. — Наилучший — это удержат
воспоминание радости. Тепло, которое
ты ощущал, будет свежим и неизменным
все время, пока ты живешь.*

Карлос Кастанеда «Сказки о силе»

1

Теплоход отчаливал ровно в полночь. А сейчас было только шесть утра. Даже без четверти шесть, если уж быть совсем точным. Антон вышел из жарко натопленного вагона и тут же поскользнулся на замерзшей луже. Вот это да! И еще ветер — пронизывающий насквозь и ледяной, аж дыхание перехватило. Всего-то конец октября, а такой лютей холод. Может, и Нева уже замерзла? Он застегнул полар под самый подбородок и вдвинул руки поглубже в карманы.

Следом выбрались соседи по купе — молодая парочка, добиравшаяся в Питер с каких-то югов. Девушка выскочила на платформу прямо в шортах и короткой маечке. На нее было холодно смотреть...

Накануне вечером она разгадывала кроссворд. Спросила у своего молодого человека, где находится Монблан.

— На Сампсониевском, — не задумываясь ответил он.

— Где?

— На Сампсониевском, возле «Петровского форта».

— У тебя уже крыша поехала от вашего строительства, — раздраженно сказала девушка. — Я про гору спрашиваю.

— Тогда не знаю, — парень беспомощно развел руками. — Где-то в Европе, в странах ЕС...

Антон пошел наверх, к зданию вокзала. Металлические колонны пандуса блестели в ядовитом свете фонарей. На соседнем пути стояли покрытые инеем цистерны. Пахло бензином, как на заправочной станции.

Встречающих не было — только маленькая симпатичная девчушка, лет, наверное, четырнадцати, одиноко стоявшая в конце подъема с большим вязаным свитером в руках. Даже со стороны было видно, какой он теплый — этот свитер.

Антон подумал, что было бы здорово, если бы его тоже встречала такая вот крошка. Младшая сестра, например.

— Продаешь? — он приостановился рядом.

— Еще чего, — девчушка мельком глянула на него.

— А если подумать?

— Иди, куда шел, — она продолжала высматривать кого-то в толпе приезжих.

— Потом ведь жалеть будешь. Захочешь продать, а никто уже не купит.

— Слушай, отъебись! — вдруг зло огрызнулась крошка.

Антон растерянно улыбнулся.

— Извини, — он недоуменно пожал плечами. — Не хотел тебя обидеть...

В зале ожидания было уже теплее. На металлических скамейках дремали бледные невыспавшиеся пассажиры. Тучный милиционер, поигрывая дубинкой, всматривался в лица приезжих. Антон прошел мимо очереди в закрытую пока еще кассу, потом по скольз-

ким наклонным плитам вниз, вдоль серой стеклянной стены, за которой вяло разгорался новый серый день.

Вокзальное кафе пустовало. Только в дальнем углу спал ночной посетитель, положив лицо на мрамор стола. Кофе из опрокинутой им пластмассовой чашки растекся бурым пятном по скомканной газете.

Антон сел у окна и увидел сверху свой поезд, который бесшумно двинулся с места и пошел дальше, на север. Потом оглядел интерьер: крашенные серой эмалью швеллера колонн, такие же серые балки потолка, депрессивного цвета стены, грязный стеклянный купол...

Он не любил этот новый вокзал. Хотя и прославились тут его бывшие однокурсники. И даже, кажется, получили за него государственную премию. Какой-то он был холодный и неуютный. Антон бывал здесь редко и обычно старался не задерживаться. Но сегодня не очень-то спешил его покидать...

Электронные часы на стене показывали шесть. Ну вот, пятнадцать минут уже прошло. Осталось убить восемнадцать часов.

Из подсобки появилась худая темноволосая женщина в клеенчатом переднике, протерла тряпкой барную стойку. Антон подошел, попросил горячий бутерброд и кофе.

— Девяносто, — подсчитала она.

Он достал из заднего кармана брюк несколько мятых купюр и отдал сотню.

— Здесь не обменный пункт, — сказала женщина.

— Ах, да, — Антон сунул гривны обратно и достал паспорт, за крокодиловой обложкой которого лежали рубли.

— На заработки?

— Как раз наоборот, — сказал Антон.

— Шутите!

— Какие уж тут шутки.

— Чем же вы там, интересно, занимались?

— Да так, разные махинации.

— Я сама с Украины, — женщина поставила бутерброд разогреваться и принялась за кофе. — Уже полтора года здесь.

— Ну, и как?

— По-разному. Веселее, конечно, чем у нас на селе...

— А где вы там живете?

— В центральной части. Это не село даже, хутор почти. Зеленый Гай называется, — женщина произнесла «г» мягко, получилось что-то среднее между «г» и «х».

— Красивое название.

— На Украине, наверное, тысяча сел с таким названием. А вы где были?

— На западе.

— Ну, и как? — улыбнулась женщина.

— По-разному, — Антон тоже улыбнулся. — Хотя и не так весело, как у нас в городе...

Зазвенела микроволновка. Женщина извлекла бутерброд и налила кофе. Он украдкой ее разглядывал. Да, там — на своих хуторах — они как-то получше выглядят. Естественное, что ли. Город высасывает все соки. Ну, собственно, это не новость...

Антон вернулся за столик.

Недоумение женщины было понятным. Честно говоря, он и сам не очень-то понимал всю эту аферу с вышками. Какой-то фокус был с этой работой, который он так и не разгадал. Да, пожалуй, и не хотел разгадывать. Они, в общем-то, не так уж плохо провели время. Если бы еще не работать... Хотя три мешка денег, которые обещал Толстый, он пока что не видел. Даже на обратную дорогу пришлось одалживать у Тимохи...

В их последний на Украине день было жуткое пекло.

Утомленный солнцем Тимоха лежал в тени под грушей и был готов отдать все, лишь бы его не трогали. Правда, ближе к вечеру, когда жара немного спала, вдруг заявил, что надо покрасить хотя бы одну нижнюю опору. Бывали у него такие приступы ответственности. Но предложение так и повисло в воздухе — все были настолько измотаны, что не было сил даже спорить. Сэм загорал на сдутом надувном матрасе. Антон пытался читать местную прессу и вообще уже переоделся в шорты и футболку.

Потом появился Юрочка с канистрой уайт-спирита и какими-то сомнительными тряпками начал оттирать краску на лице, глядя в тусклый, заляпанный брызгами осколок зеркала, прибитый к стене вагончика.

Едкий запах стал расползаться вокруг, и Антона опять затошнило.

— Ты куда это собрался, Трубадур? — поинтересовался Тимоха.

— Я устал, я ухожу, — сказал Юрочка.

— А барахло кто будет снимать?

— Мне в город надо, — уайт-спирит жег Юрочке глаза, и со стороны казалось, что он плачет. — Подарок для Людки поискать. У нас через неделю пятнадцать лет будет. Брачного периода.

— Глобус Украины ей подари, — посоветовал Сэм.

— Хорошая мысль.

— Тоже мне причина! — возмутился Тимоха. — Мы тут, значит, кровь на рыле, то-пай к светлому концу...

— Да ладно, — Юрочка вытер руки и сунул тряпки в переполненный мусорный бак. — Утром снимем. Главное — пораньше встать.

— Пораньше встать. Посмотрю я на тебя...

Антон попросил Юрочку купить местного вина — у той бабули, которая обычно стояла возле клуба на главной улице.

— И жратвы какой-нибудь, — потребовал Тимоха. — Все-таки прощальный ужин.

— И сигареты не забудь! — добавил Сэм.

Юрочка, уже в цивильных джинсах и яркой рубашке, еще раз подошел к зеркальцу.

— Ну, — он критически оглядел себя и пригладил мокрые волосы рукой. — Кто еще хочет комиссарского тела?

— Давай, давай, — Тимоха вяло махнул рукой. — Пачкуале Пестрини...

Через полчаса все-таки полезли на вышку. С трудом добрались до нижней площадки и легли на залитый краской брезентовый тент. Здесь было хотя бы не так душно. Металлические прутья давили Антону в спину, но искать удобную позу было лень.

Делать ничего не хотелось. Конечно, надо было собирать вещи и потихоньку таскать их вниз, но гораздо приятнее было просто лежать и смотреть на бескрайний прикарпатский ландшафт.

Солнце клонилось к горизонту. Юрочка был уже далеко — они видели, как он пылит по дороге мимо виноградников. До городка было километров пять, и отсюда хорошо различались только водонапорная башня и пожарная каланча. Дальше начинались совхозные поля, пологие холмы и блестящая в закатных лучах извилистая река.

— Так ты уже окончательно все решил? — спросил Тимоха. — Не вернешься сюда из нашего кругосветного плавания? Когда наша усталая желтая подводная лодка из глубины придет домой?

— Не вернусь, — ответил Антон.

— Почему?

— Сложный вопрос.

— Ну, а все-таки...

— Меня тошнит от этой работы, — сказал Антон.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Ну, даешь! — удивился Тимоха. — А в переносном?
— И уж тем более — в переносном...
— Да брось ты! Деньги платят — и ладно.
— При чем тут деньги? — Антон приподнялся на локте и вытянул из кармана мятую пачку сигарет. — Я завязываю с физическим трудом. Навсегда.
— Ты, Антоха, кремлевский мечтатель, — сказал Сэм.
— Физический труд полезен, — назидательно произнес Тимоха.
— Кто это сказал? — Антон зубами вытащил из пачки сигарету. — Наверное, Стаханов?
Сэм засмеялся.
— Дай-ка и мне, — Тимоха тоже привстал.
Антон протянул ему пачку. Сэм тоже взял себе сигарету.
— Нет, ты все-таки объясни по-человечески — почему? — не унимался Тимоха. — Мы же тут не чужие люди.
— По-человечески? — Антон прикурил, повернулся на бок и свесил руку с зажженной сигаретой через прутья решетки. — Хорошо, только потом не обижайся.
— А чего мне обижаться-то? — Тимоха снова лег на брезент. — Ну, так почему?
— Ну, в общем, как бы так поточнее выразиться... Просто иногда мне кажется, что я для чего-то другого родился...
— О! Посмотрите на него! — усмехнулся Тимоха. — И для чего же ты, интересно, родился?
— Спроси что-нибудь полегче. Откуда я знаю?
Тимоха снова приподнялся:
— А мы, по-твоему, для этого, что ли, родились — чтобы вышки красить?
— Ну вот, обиделся...
— Да не обиделся я, на дураков не обижаются, — заверил Тимоха, хотя в его голосе чувствовалось недовольство. — Нет, ты скажи, для чего мы вот, например, с Сэмом, родились?
— Ты *меня* об этом спрашиваешь?
Тимоха задумался и на какое-то время замолчал. Антон несколько раз глубоко затянулся и выбросил окурочек.
— Но кто-то ведь должен всем этим заниматься! — воскликнул наконец Тимоха.
— Я говорю только о себе, — устало отозвался Антон. — Запах пентафталевой эмали мешает мне воспринимать жизнь как таинственное и волшебное приключение.
— Ну, знаешь...
— Антонио прав, — сказал Сэм. — Давно пора что-то менять. Посмотри на себя — ты постарел на этой работе...

Антон уже не первый раз сцепился с Тимохой на эту тему. Здесь, на Западной Украине, на этой облезлой ретрансляторной вышке собрались одни неудачники — каждый на свой лад. Те, кто по разным причинам не вписался в эту новую сладкую жизнь. Хотя вряд ли кто-нибудь признался бы в этом даже самому себе. И особенно Тимоха, который все время пребывал в состоянии легкой эйфории и совершенно искренне был уверен, что у него все отлично. Два литра пива и маленькая водки каждый вечер делали его практически неуязвимым...

Высотные работы давно уже перестали быть экзотикой, а заодно и предметом восхищения экзальтированных девушек. Еще лет десять назад, увидев в городе человека на веревке, Антон на пятьдесят процентов был уверен, что знает его лично, а на другие пятьдесят — что у них есть общие знакомые. Промышленный альпинизм — он терпеть не мог это словосочетание — был лишь удобным способом хапнуть денег и свалить в горы. Или в Крым. Или еще куда-нибудь. В конце концов, просто заняться тем, чего хочется. За два

месяца можно было обеспечить себя на год, благо нужно было совсем немного: тарелка супа, хорошая книжка, пачка сигарет. И билет на самолет — с серебристым крылом.

Это затягивало. Как затягивает водоворот на реке...

Но как-то незаметно зарабатываемые деньги из бешеных стали очень средними, свободного времени оставалось все меньше и жизнь превратилась в бесконечную череду халтур, каждую из которой Антон считал последней. И все они постепенно превратились в работяг. Смириться с этим было непросто...

Вот, к примеру, Сэм.

Еще совсем недавно Сэма регулярно поминали во всевозможных рейтингах, он был всяческим чемпионом, его приглашали в престижные экспедиции. К сорока годам Сэм научился многим полезным и нужным для жизни вещам: отлично лазал по льду, за полминуты бил шлямбурный крюк, спокойно и уверенно проходил скальные отвесы, неделю мог жить без кислорода на высоте восемь тысяч метров.

Он красиво играл. И немного заигрался.

Чем успешнее шли дела Сэма в горах, тем хуже было в миру. Устраиваться на постоянную работу не имело смысла. Попытки завести свое дело терпели крах. Только начинало что-то вырисовываться, как пора уже было паковать чемоданы. И все летело к чертям. А промалып, как верный пес, преданно ждал у дверей дома...

Сами экспедиции денег тоже не приносили. Если удавалось выйти в нули, то это было уже почти чудом. Антон видел как-то по телевизору интервью с Сэмом. Среди прочего корреспондентка спросила его, платят ли деньги за восхождения.

— Еще бы! — уверенно произнес Сэм.

— А сколько, если не секрет?

— Доллар — метр! — хвастливо заявил он.

В глазах корреспондентки появилось напряжение — она считала в уме.

— Вверх идешь — получаешь, — усложнил ей задачу Сэм, — вниз идешь — отдаешь...

Хотя однажды жизнь все-таки повернулась к Сэму передом, и ему чуть было не удалось совместить приятное с полезным. Его наняли в качестве эксперта в одну московскую фирму, которая решила заняться производством оборудования для всяких экстремальных развлечений, все больше входивших в моду. Сэм должен был испытывать альпинистское снаряжение и давать ему оценку. А в дальнейшем возможно и рекламировать его. Он был почти что счастлив. Однако музыка играла недолго. Вернувшись из первой же испытательной экспедиции, бескомпромиссный Сэм абсолютно все раскритиковал. При-

чем в обычной для себя манере — не взирая на лица и не выбирая выражений. И контракт с ним расторгли. Генерального директора взбесила фраза «Такими ледорубами только Троцкого убивать».

И вскоре Сэм стал немного побухивать, но так, без фанатизма...

Были уже сумерки, когда позвонил Юрочка и туманно намекнул, что видимо задержится. Для удобства они все тут переключились на местную сеть, потому что обещанные рации Толстый так и не прислал. Мобильника не было только у Антона — он всерьез решил оборвать связь с миром.

— А что мы жрать будем? — спросил Сэм нежным голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

Юрочка что-то отвечал, и Тимоха попросил включить громкую связь.

— В нашем обществе изобилия мы подвергаемся опасности переест, — зазвучал в эфире довольный голос Юрочки, и рядом с ним отчетливо послышался женский смех. — Поэтому надо сокращать часы пребывания за столом, чтобы посвятить освободившееся время занятиям любовной игрой.

— Скотина, — прокомментировал Тимоха.

Похоже, ослабевший было на германщине Юрочкин «Декамерон» вновь набирал силу.

— Ты узнал об этом из украинской конституции? — невозмутимо поинтересовался Сэм.

— Это «Дао любви», старик, — в трубке опять раздался женский смех и потом снова голос Юрочки — полупшепотом, видимо он прикрывал трубку рукой. — Ты бы ее видел! Она богиня, старик. Мадонна...

И уже в полный голос:

— А о еде не беспокойтесь. Я достану вам ящик настоящих французских сардин.

— Подонок, — сказал Тимоха, — Штирлиц хренов.

Тут в мобильнике что-то зафонило, и слышимость пропала. Проблемы со связью были здесь в порядке вещей, и вышка, на которой они торчали уже почти полгода, должна была отчасти эту проблему решить.

— Небось, какая-нибудь шмара, — пробурчал Тимоха.

Возникла пауза. Каждый думал о том, где и как в надвигающейся ночи достать еды и питья.

— А я, кажется, догадываюсь, что он подарит Людке, — Сэм убрал телефон в клапан комбинезона.

— Триппер? — сказал Антон.

— Ты знал! — засмеялся Сэм.

Уже начало стремительно темнеть, и в городке зажглись первые огни. Огни небольшого города, как называл их Антон. И тут Тимоха проявил не свойственное для себя мужество и сказал, что пойдет на хутор. В одном из дворов приторговывали водкой — для местных алкашей и соседских дачников. И Тимоха время от времени пользовался их услугами.

— Попроси хотя бы хлеба! — взмолился Сэм.

— Попробую, — сурово ответил Тимоха. — Хотя ничего не обещаю...

Хутор находился за небольшим холмом, в противоположной от города стороне. Какое-то время Тимоха еще маячил темным пятном на белой проселочной дороге, но потом стало совсем темно. Ни о каких сборах речи уже не было. Но уходить вниз тоже не хотелось. Свежий ветерок принес долгожданную прохладу. Городок весело мерцал огнями, за рекой двигался разноцветным пунктиром пассажирский поезд.

Какое-то время лежали молча. Антон одну за другой зажигал спички и кидал вниз. Не долетая до земли, они гасли.

— И что будешь делать? — нарушил тишину Сэм.

— Не знаю, — сказал Антон.

— А жить на что?

— Хороший вопрос...

Действительно — на что жить? И где жить? Но сейчас Антон не хотел об этом думать...

— Ну, а все-таки — надо же чем-то заниматься?

— На фабрику пойду, — сказал Антон. — Пусть меня научат.

— На какую еще фабрику?

— На фабрику грез.

— Что, Тонино, — Сэм заворочался в темноте, устраиваясь поудобнее, — слава Феллини не дает покоя?

Антон обернулся в его сторону:

— А кто это такой — Слава Феллини?

Сэм засмеялся...

— И про что же будет твое кино? — спросил чуть погодя.

— А ты угадай.

— Наверное, про любовь? — улыбнулся Сэм.

— Да, Сэм, про любовь, — Антон чиркнул спичкой, но не бросил. Держа ее в пальцах, смотрел, как язычок пламени разгорелся и почти сразу же потух. — А еще про кровь...

— Нет, правда. О чем ты хочешь снимать?

— Да про вас, про уродов.

— Неужели ты думаешь, что кому-то будет интересно про нас смотреть?

— Ну, во-первых, мне самому.

— А во-вторых?

— Не знаю. Может, и найдется еще пара-тройка душевных калек...

Помолчали.

— И сколько тебе на это нужно? — спросил Сэм.

— Миллион.

— Миллион чего?

— Да чего угодно. Хотьдохлых кошек.

— Сочувствую, — серьезно сказал Сэм.

Тимоха тоже куда-то пропал. Прошел уже почти час, как он ушел, а до хутора было минут пятнадцать нога за ногу. Антон покричал немного в темноту, но ответа не было. И тогда Сэм поднялся и сказал, что ему все надоело и он идет к сторожам на бахчу — за самогоном.

— Тебе не кажется, что мы деградируем? — спросил Антон.

— В каком смысле?

— В алкогольном. Сначала хотели вина, потом водки. Теперь вот до самогона докатились...

— Возможно, — отозвался Сэм из темноты.

В свою очередь Антон попросил Сэма прихватить арбузов.

Луна куда-то делась, и двигаться приходилось на ощупь. Сэм пошарил под брезентом и отыскал налобный фонарь. Тот еле горел, но он все равно его нацепил.

— Раньше я спускался вниз за едой и женщинами, — печально процитировал он напоследок. — Теперь только за едой...

Какое-то время было слышно, как стучат по перекладам его кованые ботинки, потом тусклый свет фонарика мелькнул среди деревьев, и, наконец, Сэм тоже исчез в ночи.

Антон перевернулся на спину и посмотрел в небо. Хорошо было вот так лежать, смотреть на звезды и ни о чем не думать. Хотя совсем ни о чем не получалось. Вон Полярная звезда — там дом. Прямо перед глазами — Млечный Путь. Не такой яркий, конечно, как в Азии, но все-таки...

Все эти уходы поодиночке в темноту подозрительно смахивали на легенду о Джантуганском мальчике. Легенда такая: четыре альпиниста попали на Кавказе, на горе Джантуган, в страшную бурю. Решили переждать непогоду в снежной пещере. И вот ночью им послышался странный звук. Как будто где-то совсем рядом плакал ребенок. Плач был настолько душераздирающим, что вскоре один из них не выдержал и пошел на зов мальчика. И плач, наконец, затих. А мужчина почему-то все не возвращался. Час проходил за часом, а его все не было. Он исчез. И через некоторое время плач опять возобновился... И тогда искать мальчика ушел второй мужчина. Когда же и он не вернулся, то в метель ушел третий. Если верить легенде, то последний — обезумевший и поседевший за одну ночь — наутро спустился к людям...

Раздавшиеся в районе бахчи выстрелы вернули Антона к действительности. Пора было спускаться и предпринимать какие-то действия. Уже внизу, около вагончика, он услышал приближающиеся по дороге голоса. Сэм и Тимоха возвращались вместе. Фонарик Сэма окончательно сдох. По поводу выстрелов он, нервно посмеиваясь, сказал, что в

следующий раз нужно сначала покупать самогон, а уже потом брать арбузы. А не наоборот...

Антон с Тимохой натащили сухой лозы и запалили костер. Сэм нарезал хлеб и арбузы, сходил в вагончик за чашками. Водку решили пока убрать — до лучших времен, как сказал Тимоха. Юрочки все не было...

Воздействие самогона на истощенный организм было стремительным. Уже после второй чашки наступила какая-то прозрачная ясность в вопросах устройства мироздания, и Антон подумал, что раз уж решено навсегда покончить с физическим трудом, то хорошо бы как-то обозначить этот рубеж. То есть совершить некий ритуал, произвести какое-то публичное торжественное действие, которое подвело бы черту под всей прежней неудавшейся жизнью. Короче говоря, он решил сжечь одежду, в которой работал...

— И какой смысл? — спросил Тимоха, аккуратно сплевывая арбузные косточки.

Антон сказал, что это будет что-то вроде сожжения лягушачьей шкуры.

— То есть?

— Ты детям сказки перед сном читаешь?

— Ну, — насторожился Тимоха.

— «Царевну-лягушку» помнишь?

— Слабо, — признался тот.

— Все очень просто, сейчас объясню, — Антон насадил кусок хлеба на длинный прут арматуры и сунул в огонь. — Иван-царевич вел двойную жизнь. По будням жил с лягушкой, а по выходным и праздникам — с царевной. И никого из троих это не устраивало.

— Так ты про Маринку, что ли? — уточнил Тимоха. — Любовный треугольник?

Сэм засмеялся.

— При чем тут Марина? — занервничал Антон. — Я про себя. Мне надоело по будням быть лягушкой, а царевной — в свободное от лягушки время.

— Так она сама, что ли, сжигала свою шкуру?

— Да какая разница? — Антон поплевал на пальцы и стащил хлеб с арматурины. — Иван-царевич сжигал. Царевна — это метафора. Образ его раздвоенности.

— Ты меня не путай, — Тимоха бросил корку в огонь, — налей-ка лучше.

Он протянул Антону чашку, и тот наполнил ее до краев.

— Но он, кажется, немного поторопился, ваш царевич, — заметил Сэм. — Искал потом царевну за тридевять земель. В тридесатом царстве...

— А и плевать, — почему-то сказал Тимоха...

Куртку Антон не нашел, а вот штаны принес и поставил на крышку мусорного бака. Именно поставил — такое количество краски на них было. В отблесках костра они смотрелись грозно — как монумент.

И тогда Тимоха вдруг заявил, что эти штаны нельзя сжигать.

— Надо отправить их в Больцано. В Зигмундскрон, — сказал он.

Антон с Сэмом засмеялись...

Больцано — столица Южного Тироля, а Зигмундскрон — замок на горе Монте-Рита, где альпинист номер один Райнхольд Месснер создал музей альпинизма. «Музей в облаках», как называют его журналисты.

Когда речь заходит о Месснере, Тимоха всегда оживает. У него свои отношения с Райнхольдом — как он панибратски его называет. Дело в том, что Тимоха — единственный в стране, а скорей всего и в мире, человек, у которого есть характеристика за личной подписью восходителя всех времен. Это довольно известная история. Благодаря ей раздолбая Тимоху знают многие...

А получилось это так. В середине восьмидесятых Тимоха был бройлером. Вообще-то, бройлерными тогда назывался особый вид куриц, точнее цыплят, которым давали какой-то специальный корм, благодаря которому они за считанные дни раздувались в огромных жирных птиц. Тимохино же бройлерство заключалось в том, что за одну майскую не-

делю в горах Памиро-Алая он из обычного новичка, перескочив сразу две ступени, сделался разрядником. В традиционном советском альпинизме на это уходило два года. В первое лето нужно было провести двадцать дней в альплагере: прослушать курс лекций, пройти занятия, сходить в небольшой поход и, совершив наконец несложное восхождение, стать альпинистом СССР. В следующее лето — опять лагерь, опять лекции и занятия, еще четыре восхождения, и вот ты уже немного спортсмен... Тимоха стал одним из первых, кому удалось на кривой козе объехать незыблемый закон плавности спортивного роста. Поэтому когда ранним июльским утром изможденный заваленной экзаменационной сессией Тимоха отдал свои документы начальнику учебной части лагеря «Адыл-су», на него посмотрели с подозрением. А после того как он с большим трудом отжался четыре раза, упал с турника и продемонстрировал полную неспособность держать «пистолетик», его показательно отстранили от восхождений.

Именно в тот свой выезд Тимоха на всю оставшуюся жизнь возненавидел систему альпинистских лагерей — считал ее бесовским порождением и называл «Архипелаг альплаг».

Через пару недель ему все-таки разрешили выйти в высокогорную зону, но неудачи продолжали преследовать его. Для начала он проспал свое дежурство, и намеченное на этот день восхождение пришлось отменить. Товарищи по отделению чуть не побили его за это. А потом Тимоха опрокинул горящий примус с кипящим супом, ошпарив инструктора и спалив дотла продовольственный шатер. И был окончательно и бесповоротно списан...

К этому моменту Райнхольд Месснер уже совершил первое в истории человечества одиночное восхождение на Эверест, первым в истории покорил все четырнадцать восьмитысячников и был настоящей звездой мирового класса. На Кавказе он хотел подняться на Эльбрус, но погода что-то не заладилась. И пока что он просто гулял внизу, в сопровождении переводчика.

И тут они встретились. Не могли не встретиться — как обычно подчеркивал Тимоха...

Оставаться в лагере не было смысла. Тимоха собрал вещи и приготовился к отъезду. Автобус в Минеральные Воды был через час. Командира своего отряда он нашел в столовой и через пять минут вышел оттуда, злой на весь мир, с короткой, но емкой характеристикой в «Книжке альпиниста». Можно было ехать домой.

Он немного постоял на крыльце. В лагере было сонно и тихо — почти все ушли наверх. Несколько участников, сидя за дощатым столом, заполняли маршрутные листы. Парочка стажеров резалась в настольный теннис. Из открытого окна радиорубки доносился смех. Докторша загорала на скамейке с книжкой в руках. Шмель тяжело облетал розы на клумбе.

Тут кто-то заорал: «Месснер!», и всех как ветром сдуло.

Повинуясь инстинкту толпы, Тимоха тоже пошел следом. На центральной аллее, у доски почета с выцветшими фотографиями чабанов, небольшая толпа окружала симпатичного длинноволосого бородатого мужика. Никто ничего не говорил, все просто стояли и молча пялились на него. Месснер был почему-то один, без переводчика, поэтому тоже молчал, добродушно сверкая белозубой западной улыбкой. Тимоха подошел и скромно встал за спинами. В первом ряду он заметил Жужу из Корабелки — в руках она держала лист бумаги, конверт и ручку. Наверное, письмо писала, да так и схватила все с собой...

И тут Тимоху осенило. Он уверенно потеснил впереди стоявших, подошел к Жужу, молча вынул из ее руки шариковую ручку, раскрыл «Книжку альпиниста» на только что полученной записи и подошел к Месснеру. Потом также молча протянул ему сначала книжку, а потом и ручку...

«До сих пор для меня загадка, какой смысл в автографах. За один перерыв я даю их столько, что болят пальцы. Отказаться невозможно, этого бы никто не понял, а каждый

раз говорить о бессмысленности своей подписи слишком утомительно. Чувствую себя цирковой лошастью».

Эту жалобу Месснера Тимоха прочел только спустя два года. А пока что цирковая лошадь виртуозно продемонстрировала свой обычный номер. Тут как раз вернулся переводчик, и они с Месснером пошли дальше. Также без слов Тимоха вложил ручку обратно в ладонь Жужу. Потом отошел в сторону и внимательно осмотрел полученный результат. «Плохо подготовлен физически и технически, — каллиграфическим почерком было написано на развороте. — Ленив. Невнимателен. На биваке пассивен. Дальнейшие занятия альпинизмом не рекомендуются». Размашистая подпись в углу гласила: Месснер...

После этого Тимоха на долгое время стал настоящим фанатом Месснера. Развесил по стенам его фотографии, добывал книги и статьи о нем, назвал Райнхольдом кота, даже пошел на курсы итальянского, хотя потом выяснилось, что Месснер говорит на немецком.

Из какого-то интервью он выудил фразу Месснера «Раньше я бегал в гору, но теперь предпочитаю ходить на природном здоровье», которую тут же взял на вооружение, особенно ее вторую часть. В результате чего и родилось известное выражение «Сходить по Месснеру», поначалу означавшее всего лишь новый вид тренировки. Но спустя некоторое время — скорее всего от частого употребления к месту и не к месту — смысл этого выражения сильно трансформировался, и «Сходить по Месснеру» вытеснило популярное в альпинистских кругах «Сходить на Шхельду», которое взялось вообще непонятно откуда и когда-то давно заменило древнерусское «Сходить до ветру». Бедняга Месснер и не подозревал, как часто поминают в России его имя...

Тем временем штаны все-таки упали. Антон установил их снова и подпер для надежности обломком доски. Это действительно был экспонат. Памятник нашей действительности...

Антон никогда не пользовался спецодеждой. Вынужденный быть рабочим по сути, он избегал быть им по форме. И для не очень грязной работы брал свою обычную городскую одежду, в которой запросто можно было пойти, например, в театр или филармонию. Каждый раз он давал себе слово, что вот сейчас окончательно ее добьет и купит, наконец, новые брюки, новую рубашку и новую куртку. Но после стирки смотрел — а вроде ничего еще. Надевал — и хоть снова иди в театр. Но в этот раз нужно было красить, и он опять достал из чулана это чудо...

Вообще-то советская легкая промышленность не баловала альпинистов. Рыбацкие негнущиеся веревки, чудовищные обвязки, в которых неудобно было даже стоять, калечившие ноги отечественные вибамы, бесформенные рюкзаки, уродовавшие позвоночник, — вот нехитрый набор, который она могла предложить. Хотя это и противоречило негласному утверждению, что до тех пор, пока три тысячи километров границы с Китаем проходит по горам, альпинизм в СССР будет процветать. И вот, под занавес, она наконец-то разродилась восходительскими штанами...

Это было что-то среднее между солдатским галифе, рабочим полукомбинезоном и скафандром водолаза: толстый негнущийся брезент цвета хаки, металлические молнии и стальные заклепки. В таких штанах удобно было выходить в открытый космос. Совершать в них горовосхождения было проблематично. Федерация выдала их всем, кто должен был ехать на первенство Союза. Но Союз неожиданно развалился, и первенство не состоялось...

Зато в новой российской действительности они неожиданно пришли как нельзя кстати. И теперь заслуженно возвышались на своем импровизированном пьедестале. Так и не побывавшие в горах — зато объехавшие полстраны в бесчисленном количестве халтур и покрывшиеся таким слоем краски, что перед каждой новой работой их приходилось топтать ногами — иначе надеть штаны было попросту невозможно...

Наконец, Антон поднялся. Нетвердо держась на ногах, собрал валявшиеся вокруг масляные тряпки, картонные коробки и газеты и швырнул все это в огонь. Потом кинул туда же всю оставшуюся лозу, поворошил обрезком металлической трубы и, дождавшись

момента, когда костер взвился до небес, бросил в него штаны. Ему действительно хотелось покончить со всем этим. Хватит...

Потом Антон налил себе полную чашку самогона и стоя выпил.

— Мне стали слишком малы твои тертые джинсы, — грустно сказал он...

Дальнейшее Антон помнил смутно — так, какие-то вспышки. Кажется, Тимоха сказал, что лучшие времена уже наступили. И, видимо, сходил за водкой. Потом Сэм заявил, что начал видеть в темноте и сейчас пойдет за виноградом. Тимоха вроде бы его отговаривал: охрана, мол, будут стрелять, к тому же виноград уже давно собран. Но Сэм настаивал, что охраняют только бахчу, и пропал. Потом он появился — почему-то весь мокрый, волоча за собой холщовый мешок. Вывалил содержимое на землю — и, правда, виноград...

Проснулся Антон от холода. Он лежал на мокром от росы Тимохином спальнике. Вокруг был туман. Сам Тимоха покачивался в гамаке и курил. Сэма не было видно. Голова была ясная, но тело совершенно разбито. Подниматься не хотелось. Антон привстал на четвереньки, расстегнул молнию, забрался в мешок и снова лег. Было очень тихо. Туман двигался неравномерно; опоры вышки, деревья, кусты будто плыли сквозь легкое белое облако. Антон повернулся набок. На цветочном лугу немного развиднелось, и на мгновение он увидел аиста. Тот стоял в высокой траве, неподвижно склонив голову...

Сэм появился из вагончика с зубной щеткой в руках — свежий и бодрый. Все-таки чемпионская закалка. По пути зачерпнул воды из бочки, подошел к костру и стал методично чистить зубы. Потом прополоскал рот и сплюнул на серые угли. Штаны так и не сгорели полностью — дотлевавшие куски брезента, с молниями и заклепками, еще дымились на пепелище.

— А все-таки невозможно до конца расстаться со своим прошлым, — мрачно пошутил Сэм...

Пока поднимались на вышку, туман рассеялся и стало ощутимо припекать. Спускать барахло на себе уже не было времени. Поэтому все, что было можно, просто скидывали вниз. Вскоре Тимоха разглядел на дороге Юрочку. Тот шел медленно, с остановками. Потом свернул к винограднику и лег на землю. Минут через десять поднялся и двинулся дальше. Когда он наконец выбрался на площадку, все вещи были уже сброшены. Вечнозеленый Юрочка выглядел довольно бледно. В своих круглых черных очках он напоминал кота Базилио. Для более полного сходства не хватало только белой трости. Он устало облокотился на перила и бессильно уронил голову на руки.

— Ты как раз вовремя, — сказал Сэм.

Юрочка не реагировал и вообще не подавал никаких признаков жизни. Только еле слышно сопел.

— Ну что, — спросил Антон сочувственно, — как она, богиня?

— Мадонна, — уточнил Тимоха.

Юрочка тяжело приподнял голову и взглянул на Тимоху. Черные очки блеснули на солнце.

— Ничего нового, старик, — бесцветным голосом проговорил он. — Все та же мокрая дыра...

В полдень тормознули совхозную полуторку. Сидевшие в кузове хуторские женщины потеснились, оттащив к ногам свои узлы. Юрочка сразу же обнял свой рюкзак и устало ткнулся в него лицом. Антон привалился спиной к заднему борту. Тимоха и Сэм старались держаться ровно, но на фоне пышущих здоровьем хохлушек даже атлетически сложенный Сэм выглядел заморышем.

Женщины постарше смотрели в упор. В их глазах читалась смесь жалости, брезгливости и какого-то этнографического любопытства. Молодые девчонки, лузгавшие семечки, наоборот посматривали с интересом, но как-то искоса — робко и осторожно.

— До дому? — спросила чернобровая, похожая на цыганку женщина.

— Да, — сказал Сэм. — На родину...

Машина тронулась, и женщины затянули прерванную песню. Это была длинная и мелодичная украинская песня, слов которой Антон не понимал. Машину сильно качало на ухабах, справа и слева шли бесконечные виноградники. Потом хуторские спели еще одну песню. Когда же и эта песня закончилась, чернобровая женщина усмехнулась и хитро взглянула на соседок.

— Ну, а теперь нехай москали заспивают свои москальские песни! — вызывающе сказала она и посмотрела на Сэма.

Сэм никак не отреагировал на этот призыв — кажется, он спал сидя. Тимоха напрягся и втянул голову в плечи. Антон искоса глянул в их сторону. У одного фамилия Кобахидзе, у другого Хартыкайнен. Ни хрена себе москали! А лежавший мордой в клапане Юрочка так и вообще давно уже был германским бюргером. Жителем города Бремен.

Машину сильно трянуло, Юрочка поднял голову и с недоумением посмотрел вокруг. На щеке у него отпечатался след от металлической пружки...

Он уехал неожиданно для всех, когда Людка вдруг оказалась немкой. В Бремене они отдали детей в школу, купили машину. Людка устроилась на работу, а Юрочка все что-то тянул. В Германии ему не нравилось.

— Скучно, — жаловался он в письмах.

И через пару лет стал наезжать на работу в Россию... Даже язык он учил лениво — продавцы в магазинах его не понимали, он их тоже. Там, в Германии, Юрочка вдруг стал патриотом России. Читал только российские газеты, смотрел исключительно российские фильмы.

— В гривнах вся сила мира, брат, — говорил он, когда они с Антоном ходили в украинский обменник.

В тоже время возвращаться назад он не собирался: в Германии проще было получить визы. Там он увлекся дайвингом, по несколько раз в год ездил к морям и океанам...

Машину снова трянуло. Сэм тоже очнулся и посмотрел на часы.

Одна из девчонок протянула Юрочке горсть семечек. Он глянул сначала на протянутую ладонь, потом на саму девушку.

— Да нет уж, спасибо...

— А чего? — удивилась она и передвинула семечки Сэму.

Сэм подставил руку, и она высыпала их ему.

— Что она сказала? — Юрочка повернулся к Тимохе.

— Я не понял, — сказал Тимоха.

— Вай нот, — перевел Сэм.

— Съесть стакан семечек — все равно, что вылизать метр асфальта, — пробурчал Юрочка.

— Ну и зря, — Тимоха тоже взял у Сэма несколько семян.

— Что русскому здорово, то немцу смерть, — сказал Сэм...

Кофе был выпит. Антон поблагодарил женщину за стойкой и пожелал ей удачи.

Уже заметно посветлело, но фонари еще продолжали гореть. Площадь у «Заневского Каскада» была непривычно пустой. Возле продовольственного ларька разгружали машину с пивом. Таджики в ярких жилетах мели тротуары. Устало мерцала реклама игорного клуба. Маршруток еще не было.

Из-за поворота выехал пустой троллейбус. Антон прибавил шагу. Чувствуя, что не успевает, побежал. Водитель немного притормозил и открыл заднюю дверь. Антон на ходу запрыгнул в салон, прошел в середину и сел на холодное пластмассовое кресло.

Запотевшее окно делало привычный пейзаж каким-то нереальным. Антон с трудом узнавал знакомые места. Он протер стекло рукой, но стало только хуже. Слева шли бесконечные металлические гаражи. Справа пустырь, трубы бывшего химзавода. На полуразру-

шенном кирпичном заборе мелькнула надпись «Капитализм — дерьмо». Потом был новый путепровод, и сразу же за ним — родной до боли спальный район.

А вот и провал между хрущевками, за которыми — чуть в глубине, почти скрытая деревьями — его кирпичная точка. Четыре окна на верхнем этаже были темные — еще спят, наверное. Антон против воли, как прикованный, смотрел на свои окна, пока их не заслонила стена девятиэтажки. Было очень странно проезжать вот так, мимо собственного дома, когда раньше ты миллион раз выходил на этой остановке...

За эти полгода Марина ни разу ему не написала. Он, естественно, тоже. Хотя чего уж тут естественного...

Антон отвернулся и стал глядеть в другую сторону. Злости не было. Но и доброты тоже. Не было ненависти и не было любви. Даже обиды уже не было. Только печаль и опустошенность.

Может, именно так и бывает после смерти? Каким-нибудь ранним осенним утром на улице промозгло и сыро — а в твоей квартире уютно и тепло. Там все в точности так же, как было при тебе, — карта мира на стене, фотографии друзей, гитара, одежда в шкафу. Жена и дочка мирно спят в своих постелях. А ты едешь мимо в дребезжащем и холодном троллейбусе и с непривычной ясностью понимаешь, что никогда уже больше не зайдешь в свой дом, не снимешь с полки любимую книжку, не погладишь собаку... Это только в стародавние времена часовой всех времен переправлял мертвецов на лодке. Сейчас-то уж вряд ли так. Пропускная способность маленькая...

Троллейбус въехал на мост, и за окном показалась черная вода в гранитных берегах. Нет, Стикс еще не замерз... А Харона закрывала реклама зубной пасты «Дентал плюс». Улыбающаяся девушка с идеальным прикусом демонстрировала изящный тюбик. Всю эту красоту венчал слоган «Забудь про кариес!» Хорошая, кстати, надпись на могиле...

Антон вспомнил, как Юрочка, упившись на отвальной по поводу своего отбытия в Германию, кричал:

— Геморрой побежден, у ангины нет шансов, у гриппа нет будущего — мне больше нечего делать в этой стране!..

Троллейбус спустился на левый берег и резво покотился по широкому бульвару мимо помпезных сталинских построек. Свинцовые тучи низко висели над плоскими крышами. Машин было мало, людей еще меньше...

Антон сошел возле булочной. Аид — край вечной тьмы — принял его как родного.

2

Немного потеплело.

Коротким путем, через дворы и заброшенный стадион, Антон вышел к трехэтажному особняку довоенной постройки. Похоже, здесь тоже еще спали. Хотя «Пежо» возле парадной уже не было.

Он перебрался на огороженную кустами детскую площадку. Чтобы туда попасть, пришлось форсировать огромную лужу, в которую для удобства были положены кирпичи и принесенная с помойки картонная дверь, уже порядком размокшая.

Антон сел на изрезанные витиеватыми иероглифами качели и огляделся. Карусель была сломана, бетонная урна опрокинута набок. В песочнице лежали окурки, сплюснутые пивные банки и порванный резиновый мяч. На все это равнодушно взирал пустыми глазницами двухметровый гипсовый Абрам с отбитым носом и раскрашенными помадой губами.

В этой песочнице Антон играл почти до самой школы — детскую площадку было хорошо видно из окон квартиры, где они тогда жили и где теперь жила его сестра. И все эти семь лет он бесчисленное количество раз пытался отломать таинственную штуковину, на которую опирался покрашенный серебрянкой дядя — то ли ружье, то ли палку, то ли ка-

кой-то длинный молоток. Сейчас-то ее уже не было, этой штуковины. Давно вырвали с корнем. Остались только огрызки металлических прутьев, на которых она держалась...

В первую зимнюю сессию, когда Дрюня ночевал у него перед экзаменом по теории архитектуры, они сидели на кухне.

— О, а это кто? — удивился рассеянно смотревший в окно Дрюня, разглядевший в бушующей метели темный силуэт, освещенный качающимся фонарем.

— А это первый в стране заслуженный мастер спорта по альпинизму, — сказал Антон.

Дрюня решил, что Антон его разыгрывает.

— Какие уж тут шутки. Это, Дрюня, спина Крыленко сквозь пургу видна.

Антон принес ему книжку «В заоблачные выси», и теория архитектуры пошла прахом. Дрюня от души веселился и полночи цитировал солдата революции, большевика ленинской гвардии, организатора первых революционных трибуналов, прокурора республики, наркома юстиции и государственного обвинителя, именем которого была названа улица Антонова детства.

Из этой же книжки Дрюня узнал, что подпольная кличка «этого замечательного, жизнерадостного и душевного человека» была Абрам и что «на лацкане этого организатора и участника первых памирских экспедиций всегда можно было видеть значки “ГТО” и “Альпинист СССР”».

В общем, Дрюня был под впечатлением. После этого где-нибудь у черта на рогах, в каком-нибудь отдаленном и труднодоступном горном районе, когда все лежали едва живые на очередном сумасшедшем подходе, частенько раздавался его голос.

— Николай Васильевич, откуда у вас берутся силы, чтобы прокладывать путь в этом зыбучем снегу? — вопрошал Дрюня.

И сам же отвечал:

— Представьте, что перед вами залегла белогвардейская цепь. В атаку пошли коммунисты и комсомольцы. Опрокинут они врага, обратят его в бегство — значит, приблизят победу революции. Не преодолеют — все погибло. Думайте постоянно об этом, и у вас в жизни всегда хватит сил, чтобы взять любой, даже самый тяжелый рубеж...

Легкое покачивание и монотонный скрип качелей убаюкивали — так и заснуть недолго. А там, глядишь, и замерзнуть насмерть. Антон забрался на сиденье с ногами, и качели сильно накренились. Сидеть на спинке было неудобно, можно было легко потерять хрупкое равновесие и свалиться в грязь. Герман Буль, когда замерзал на Нангапарбате, тоже нашел качающуюся плиту и простоял на ней всю ночь, чтобы не уснуть...

Наконец зажегся свет на кухне. Антон аккуратно выбрался обратно на сушу и постучал в окно на первом этаже.

В альпинизм Антон попал в пятнадцать лет. Его привела туда сестра. До этого были три с половиной класса музыкальной школы, театральная студия, несколько занятий мотокроссом и несколько приводов в милицию.

Родители видели в этом движение по нисходящей. Более того — стремительное падение. Преподавательница по классу фортепьяно, кстати, тоже.

— Душу на мотор променял, — укоризненно бросила она, случайно встретив Антона в гастрономе.

Чтобы остановить деградацию, созвали небольшой семейный совет, на котором Антон отсутствовал по причине все того же мотокросса. На повестке стояли два основных русских вопроса: кто виноват и что делать. Причем ответ на первый был заранее известен...

Неожиданно для всех Наталья предложила альпинистскую секцию, в которую ходила сама. С ее стороны это был настоящий подвиг, потому что девушки ее возраста обычно держали младших братьев на расстоянии выстрела — чтобы не путались под нога-

ми и не мешали крутить романы с мальчиками. Привести брата в студенческую компанию было позором. Все равно, как если бы бабушка провожала тебя на ночную дискотеку...

Когда же пропахший куревом и бензином Антон заявился наконец домой, ему было сделано предложение, от которого он — прямо как Марлон Брандо — не смог отказаться. Теперь хоть какая-то часть его свободного времени должна была проходить под надзором. Родители Антона еще долго воспринимали альпинизм как вынужденную альтернативу колонии для несовершеннолетних...

На следующий же вечер Антон вышел на Техноложке и, сверяясь с нарисованной специально для него схемой, перешел дорогу. Здание строительного института выглядело солидно. Орден Трудового Красного Знамени угрожающе нависал над входом.

Антон зашел внутрь. Внизу был просторный холл, по центру которого стоял огромный бюст Ленина. Две лестницы — слева и справа — вели на балюстраду второго этажа. Антон, озираясь по сторонам, поднялся наверх. Здесь было довольно темно, в продолговатых нишах белели статуи Аполлона и Венеры...

В коридоре у спортзала было пусто. Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В дальнем углу разминались гимнастки, зеленый дощатый пол был расчерчен желтыми кругами, пара баскетбольных колец свисала с потолка, вдоль правой стороны тянулась шведская стенка. Антон аккуратно прикрыл дверь, отошел в сторону и залез на высокий подоконник. Окно выходило во двор-колодец. На другой стороне колодца была видна учебная архитектурная мастерская, студенты что-то рисовали на белых листах ватмана... Мимо Антона прошел высокий солидный мужчина со шкиперской бородкой. Антон занервничал — в школе уже давно согнали бы на пол, но мужчина даже не обратил на него внимания. Тогда Антон устроился поудобнее, и тут на противоположной стене увидел стенд. Крупными буквами сверху было написано: «Альпинизм»...

Про альпинизм Антон ничего не знал. Крошечная фотография и несколько строчек из детской книжки «Путешествие в страну Спортландия» не прояснили ситуацию.

У друзей и одноклассников все было понятно: они ходили в какие-то кружки, в любой из которых мог записаться и сам Антон. Боб собирал рефлекторный телескоп, у Шивы был желтый пояс по каратэ, Илюша двигал фишки и был почти гроссмейстером.

Здесь же все было таинственно и загадочно — для школьников не существовало кружков с таким названием. Это было «только для взрослых», что-то запретное и манящее из большого мира...

Антон спрыгнул на пол и подошел к стенду. Дрожь первооткрывателя охватила его. Сейчас завеса приоткроется, и он узнает, что ждет его в будущем...

Прямо под заголовком шел такой текст: «Альпинисты — материально не обеспеченные люди свободных профессий, ведущие легкомысленный и беспорядочный образ жизни. Узкий индивидуализм и распушенность — их характерные особенности».

Ниже было наклеено довольно много фотографий. Одна из них привлекла внимание Антона. На ней три человека полулежали на острой каменистой вершине и смотрели вдаль на уходящие в бесконечность горные цепи. Была какая-то завершенность в их свободных и расслабленных позах. Они никуда не спешили, время для них будто остановилось.

На другой фотографии, уже в лесу, с малопонятным содержанием и кучей народа, Антон разглядел на заднем плане криво прибитый к дереву плакат «Если альпинизм мешает работе — брось работу».

Вообще, на снимках было много улыбок, радостных и даже счастливых лиц.

Среди прочих бросалась в глаза еще одна фотография. Судя по надписи, она была сделана на высшей точке страны. Там человек стоял на коленях прямо в снегу, склонившись над металлической плитой, обозначающей эту самую высшую точку. Но было такое ощущение, что он стоял на коленях не от усталости. Это больше походило на молитву, на поклонение какому-то богу, имени которого Антон пока еще не знал...

Он продолжал внимательно изучать стенд. О, вот еще... В правом нижнем углу был листок с отпечатанной на машинке выпиской из медицинской энциклопедии. Антон начал читать.

«Альпинизм — в дальнейшем для краткости А. — восхождение на труднодоступные горные вершины, вид спорта. А. зародился в Альпах Швейцарии, где были совершены первые восхождения на высшую точку Альп — вершину Монблан. А. как вид спорта служит укреплению здоровья и является средством активного отдыха. А. — один из наиболее сложных видов спорта, требующий высокой физической, технической и моральной подготовки. А. могут заниматься юноши и девушки не моложе восемнадцати лет (так вот в чем дело!), а в высокогорных экспедициях принимают участие только спортсмены, достигшие двадцати четырех лет.

Причины А. разнообразны. Помимо наследственного предрасположения, развитию А. способствует напряженная умственная работа, связанная с сидячим образом жизни. В большинстве случаев А. не сопровождается болезненными симптомами. Иногда же отмечаются жалобы на «приливы» к голове и появляющийся вслед за этим озноб, холодный пот и шум в ушах. Бывает, что в течение более или менее длительного периода после А. остается ложное ощущение несуществующей конечности или ее части — кисти, стопы, пальцев (так называемые фантомные ощущения). У некоторых А. продолжается и в браке, при нормальной половой жизни, или возобновляется на отдельных ее этапах, иногда совершенно вытесняя, заменяя нормальную половую жизнь...»

— Зачитался? — Антон почувствовал удар в спину и обернулся. Это Наталья, подкраившая сзади, врезала ему подрамником.

У входа в зал уже собралась небольшая толпа студенческого вида парней и девушек. Наталья подвела его к ним.

— Ну, давай, говори, — строго сказала она.

Антон и сам понимал, что надо что-то сказать, но вместо этого, наоборот, замкнулся. Пауза затягивалась, но неловкости не было. Было какое-то доброжелательное внимание, которое он чувствовал.

— Ну что, так и будешь молчать? — снова сказала сестра.

— Я хочу заниматься альпинизмом, — выдавил наконец Антон каким-то сиплым и неестественным голосом.

Все засмеялись, и в этот момент за его спиной раздался чей-то саркастический голос:

— Ничего! Это пройдет!

Антон обернулся и в первый раз увидел Вовика.

3

— А где вещи? — Вовик протер кухонный стол, собрал хлебные крошки в ладонь и выбросил в мусорное ведро.

— Сэму отдал. Не хотелось таскаться с баулом по Москве. Ты один, что ли?

— Наталья уже на работе, хотела сегодня пораньше начать.

— А девчонки?

— Юлька у подруги, диплом рисует. Марго дрыхнет еще. Кофе?

— Давай лучше чаю.

Вовик залил воду в чайник и нажал на клавишу.

— Ты бы рассказал, что ли, про эту одиссею безумную, — Антон грел руки о батарею. — А то мы там, за границей, совсем отстали от жизни.

— Почему безумную?

— Ну, как-то необычно...

Вовик достал из посудомоечной машины чашки, вынул из холодильника масло и сыр.

— Идею подал Мутный. Сначала хотели в Хельсинки и Стокгольм, на пароме. Но там сразу же куча проблем — визы, паспорта. И переиграли на Кижы. Четыре полных дня, плюс Валаам, — он высыпал из узорчатой жестянки горсть кураги, подошел к раковине и начал ее промывать. — Толстый сделал широкий жест и взял все расходы на себя. Правда, пока раздумывали, чуть без теплохода не остались. Так что наш крейсер «Аврора» последний в этом сезоне. Мы закрываем навигацию...

— Народу много?

— Больше ста человек.

— Откуда столько?

— Ну, с женами, с мужьями. Все-таки круглая дата. Юбилей, понимаешь, — Вовик выложил курагу на блюдец и вытер руки. — Слушай, может, ты есть хочешь? В меня-то с утра вообще ничего не лезет.

— В меня тоже. А из-за бугра будет кто-нибудь?

— Кунин уже здесь, израильтяне в полном составе, про Юрочку ты и сам знаешь. Будет даже Люси со своим американским мужем, сегодня прилетают.

— Фантастика. Даже не верится...

— Из туземцев не будет Юлика — пропал куда-то. Танюха заболела и скорее всего не сможет. Стася тоже вся в каких-то делах. Ну, и Папа как всегда под вопросом, хотя сейчас он как раз в Питере.

В ванную прошлепала сонная Рита.

— О! Тоха! — она помахала ему рукой. — С приездом! Ты уже насовсем вернулся?

— Пока только до вечера.

— Тебя тоже взяли на «Корабль Дураков»? — прокричала она уже через дверь.

— Э, поаккуратнее в выражениях! — громко запротестовал Вовик. — Не обижай наш маленький броненосец «Потемкин»!

В ванной зашумела вода.

— У меня с «Потемкиным» плохие ассоциации, — поморщился Антон.

— Ты про выбитый глаз?

— Про червей в мясе.

— Да ладно тебе. Будет на что рыбу ловить, — вода закипела, Вовик заварил чай и сел наконец за стол. — На студии-то был?

— Нет.

— А чего так?

— Да вот так, — Антон налил себе заварки, кинул сахар и начал сосредоточенно его размешивать.

— И не звонил даже?

— Да нет, почему же, звонил. С уличного автомата.

— Ну, и что?

— Сказал «здрасьте». Попросил к телефону этого чела... — Антон отвечал нехотя, через силу.

— Какого?

— Продюсера, — Антон глотнул чаю.

— Ну?

— Ну, он взял трубку, говорит: «Але?» — Антон замолчал.

Вовик тоже налил себе чаю.

— Ну, а ты?

— Опять сказал «здрасьте». Назвал себя...

— А он что?

— Он долго вспоминал, кто я такой; кажется, так и не вспомнил...

Антон снова замолчал.

— А ты?

— Наша с тобой беседа напоминает разговор двух восьмиклассниц, у одной из которых появился мальчик, — засмеялся Антон. И затараторил, передразнивая тонкий девичий голосок. — Ну, а он? А ты? А он? А ты ему что?

— Так потому что ты сам ничего не рассказываешь, — возмутился Вовик. — Приходится все из тебя вытягивать.

— Да нечего там рассказывать. Грустно все это, — Антон вертел в руках чайную ложку. — Сценария он не прочел. Сказал, что у него нет времени читать сценарии. Попросил в двух словах рассказать сюжет. Я ответил, мол, на кой хрен писать двести страниц текста, если все можно объяснить в двух словах. Тогда он поинтересовался, зачем я все это ему прислал. Я в свою очередь спросил, куда же надо было *все это* посылать — на мебельную фабрику, что ли?

Антон опять замолчал.

— Ну?

— Тогда он спросил, чего же я, собственно, хочу.

— А ты?

— Сказал, что хочу того же, чего и любой нормальный человек — славы и денег, — Антон положил ложку на стол. — На этом официальная часть визита закончилась, и мы с Юрочкой пошли гулять.

— Печально, — Вовик поднялся, подошел к окну и раздернул шторы. На улице было уже совсем светло. — Ты бы все-таки поел чего-нибудь. Омлета может сделать?

— Не хочу, правда.

— Как столица?

— Жирует столица.

— Были где-нибудь?

— Как обычно — мавзолеей, зоопарк.

— Он что, открыт еще?

— Ты чё, там полно зверей.

— Я про мавзолеей.

— А, — засмеялся Антон. — Открыт, конечно, куда же он денется. Вот бы кому продюсером работать. Единственный в этой стране человек, для кого важнейшим является кино.

В коридоре заиграл мобильник.

— Началось, — Вовик быстро пошел к телефону.

Антон отхлебнул чаю, придвинул блюдо с курагой, покрутил, потом отодвинул обратно...

В зоопарке они и вправду были. Провели там почти весь день. Антону больше всего понравился фенек, крошечный пустынный лис. А Юрочке вомбат — такой австралийский сумчатый с круглыми ушами, который как заведенный носился по своему загону. Юрочка проторчал возле него, наверное, с час, провел фотосессию, пытался кормить чипсами и был в совершенном восторге. Сказал, что когда построит собственный дом, то обязательно заведет ручного вомбата.

— Бассейн для него сделаю, — размечтался он.

— Ты, кажется, перепутал его с Тем, кто сидит в пруду, — засомневался Антон.

— Ерунда, — заверил Юрочка. — Куплю ему акваланг, ласты. И сделаю из него настоящего дайвера!

Потом пошли в центр, постояли на Крымском мосту. Антон облокотился на парапет и смотрел на Пречистенскую набережную. Впереди громоздился Кремль, за спиной гудело Садовое кольцо, внизу суетились тысячи людей, неслись потоки машин. Равнодушный, поглощенный своими делами муравейник...

А Юрочка все улыбался и горстями ел чипсы.

— Ты о чем сейчас думаешь? — вдруг спросил он.

Антон не отвечал, наверное, минуту.

— Я думаю — неужели кому-то из них нужно мое кино? — наконец сказал он. — А ты о чем?

— О вомбате, — Юрочка запрокинул голову и высыпал в рот остатки чипсов. — Вомбат-батяня, батяня-вомбат! — заорал он во все горло. — За нами Россия, Москва и Арбат!

А потом Юрочка поехал в Домодедово встречать Людку, а Антон взял билет на этот странный мурманский поезд...

— Слушай, мне на совещание надо, — Вовик вернулся на кухню и стал озабоченно рыться в стопке бумаг на подоконнике.

— Я тоже пойду, — Антон поднялся.

— Может, останешься? Марго скоро уйдет, а часам к пяти уже и Наталья вернется.

— Как-нибудь в другой раз.

Они переместились в прихожую. Вовик торопливо собирал сумку.

— Куда пойдешь?

— К Максиму поеду, — Антон надел кроссовки и прислонился к двери. — Слушай, дай мне свитер какой-нибудь.

Вовик быстро пошел в дальнюю комнату, долго хлопал там дверцами шкафа. До Антона донеслось его недовольное бормотание. Потом вернулся в прихожую, начал обыскивать стенной шкаф.

— На кого это ты ругаешься?

— Да ну, блин. Три женщины в доме, а порядка — ноль.

Вовик снова ушел и наконец вернулся со свитером в руках. Критически его осмотрел и протянул Антону. Антон надел свитер, и по телу сразу же разлилось приятное тепло.

— А жизнь-то налаживается! — улыбнулся он и втянул носом воздух. — Костром пахнет...

— Ездили тут с конторой на шашлыки. Ну что, идем?

Вовик вытащил из кладовки велосипед, взял его под мышку, и они вышли на улицу. Остановились под окнами. Вовик проверил, как накачаны шины, и недовольно хмыкнул. Потом закинул ногу, вставил в стремя и передвинул съехавшую на бок сумку за спину.

— К родителям заедешь? — спросил он напоследок.

— Нет.

— Они тебя ждут.

— Лучше уже потом, когда вернемся.

— Почему?

— Не хочу, чтобы меня жалели.

— Ну, смотри...

Они попрощались до вечера, и Антон пошел к метро.

Вовик, сколько Антон его знал, всегда ездил на велосипеде. Ничего не изменилось даже с неизбежным появлением престижной машины. Хотя это и выглядело не очень солидно для его возраста. И уж тем более для должности главного архитектора самой известной в городе мастерской.

В то последнее школьное лето, в день отъезда, он тоже появился на перроне с великом. Правда, тогда это был не модный «Атом» с карбоновой рамой, а обычный «Старт-шоссе». Был конец июня, самый разгар белых ночей — светлое небо, несмотря на поздний час... Антон впервые в жизни уезжал далеко, и к тому же один. Помимо собственного рюкзака у него было еще двенадцать мест: четыре здоровенных баула, четыре тяжеленные картонные бочки и четыре совершенно неподъемные коробки, перетянутые резинками от эспандера. Когда он пришел к поезду, все это хозяйство уже было аккуратно разложено

по третьим полкам его плацкартного вагона и занимало чуть не три отсека подряд. Антон так и не понял, чья невидимая рука все это проделала, потому что провожали его только Вовик и Наталья.

Он ехал в Азию. Ехал просто так, за компанию, — чтобы наконец-то увидеть все собственными глазами... Отправиться полноправным участником в альпинистский лагерь, куда-нибудь на Кавказ, на который уже укатили почти все и куда через неделю собирались двинуть и Вовик с Натальей, он не мог по малолетству. А самые старшие собирались в Фанские горы — на спортивный сбор и на чемпионат. Туда летел только что закончивший аспирантуру Виталий, там должен был наконец-то появиться легендарный Виктор, отбывавший два года лейтенантом в вологодских лесах, туда должны были подъехать уже работавшие инженерами Эдик и Альберт, ожидавшие со дня на день — один отпуска за свой счет, другой увольнения по статье за прогулы.

— Поехали с нами, — сказал Альберт. — Погуляешь внизу с биноклем и рацией. Не торчать же все лето в городе...

Когда поезд тронулся, Наталья бежала рядом с вагоном и махала вслед, а Вовик шел чуть в стороне и катил свой велосипед...

В Москве была пересадка. Весь день и часть ночи Антон просидел на куче своего барахла, сваленного носильщиком в зале ожидания Казанского вокзала. Поезд на Самарканд уходил в пять утра. У него был тридцать четвертый номер, и он был скорый, что полностью совпадало с названием нашумевшего фильма-катастрофы, который Антон посмотрел за неделю до этого с Бобом и Илюшей.

За полчаса до отправления подали состав. Шатаясь от усталости, Антон перетащил вещи к вагону. Завидев гору тюков, проводник-узбек наотрез отказался его пускать.

— Почему? — забеспокоился Антон. — У меня же билет.

— Ты можешь брать только тридцать шесть кило, а у тебя тут полтонны, — объяснил проводник.

Уговоры и мольбы не помогали.

— Ну, пожалуйста, — просил Антон.

— Вот сам — поезжай, — проводник был неумолим. — А вещи багажом отправь.

— Что же делать? — Антон был в отчаянии.

Проводник молчал. На его невозмутимом восточном лице не отражалось никаких эмоций.

До отхода оставались считанные минуты. Антон заметался по платформе. Бригадир долго не хотел ничего слушать, но когда Антон заплакал — сжалился. И объяснил, что же надо делать. Антон дал проводнику три рубля, и вопрос был решен.

Долгожданная взрослая жизнь началась...

На третью ночь поезд объезжал Аральское море. Антон лежал без сна. От духоты в вагоне не спасали ни открытые окна, ни запахнутые в тамбур двери. Наконец он не выдержал и слез со своей верхней полки. Поправил постоянно сползавший матрас, закинул свесившуюся, скрутившуюся жгутом простыню.

В туалете попробовал кран, но воды уже не было. Он вышел в тамбур. Поезд еле тащился. Сквозь разбитое окно виднелась черная степь и круглая кровавая луна. Антон открыл входную дверь и сел на ступеньки. Пожухлая трава мелькала под ногами в тусклом прямоугольнике света.

Вдруг поезд начал тормозить. В стороне показались одноэтажные строения из саманного кирпича. Освещенные луной, они выглядели зловеще, вместо окон зияли черные провалы. Поезд не останавливался, а продолжал медленно двигаться. Антон спрыгнул на землю и пошел рядом. Не было ни перрона, ни станции, ни фонаря — только голая степь и десяток домов. Потом он увидел бегущих к поезду людей...

Раскрылась дверь уже давно переставшего работать вагона-ресторана. Толстый небритый официант выхватывал из тянущихся к нему рук деньги и прямо на ходу сбрасывал

вниз мешки с картошкой, бидоны с молоком и коробки с тушенкой. Одна из коробок лопнула от удара о землю, и банки покатались в придорожную пыль...

Поезд опоздал почти на сутки. Вместо раннего утра пришел уже в ночи. Антон высунулся в окно, пытаясь в разноцветной толпе встречающих разглядеть своих, но никого почему-то не было. Попутчики, один за другим, торопливо проталкивались к выходу, и вскоре вагон опустел. Потом на платформу спустился проводник, сменил табличку «Москва–Самарканд» на «Самарканд–Термез». Обжитый и почти родной уже поезд сразу стал каким-то чужим. Антон подождал еще немного и начал в одиночку перетаскивать вещи через пути.

Несмотря на поздний час на вокзале было многолюдно и шумно. В глазах рябило от яркого света фонарей и моря пестрых стеганых халатов. В ушах стоял звон от тепловозных свистков и усиленных громкоговорителем объявлений на незнакомом языке. Толпа стремящихся попасть в Термез пассажиров уже осаждала платформу. Антон с трудом продирался сквозь плотный встречный поток.

Почему-то было много военных. Особенно бросалась в глаза компания десантников в ярко-голубых беретах. Они стояли под окнами ресторана, вызывающе поглядывая по сторонам. У одного из них был перебитый нос и жуткий рваный шрам в пол-лица. Антон видел, как он схватил за руку проходившую мимо симпатичную узбечку. Та испуганно вырвалась и шарахнулась в сторону. Стоявшие рядом молодые парни отводили глаза...

Найти свободное место было непросто. Все скамейки вокруг были заняты. Еще больше народу сидело прямо на земле. Антон чуть не наступил на старика, который лежал прямо поперек дороги, положив голову на свернутый рулоном ковер.

Когда он волочил рюкзак с коробкой мимо ресторана, десантник со шрамом двинулся в его сторону. Антон прибавил шагу.

— А ну, стоять! — раздался окрик за спиной.

Антон припустил еще быстрее, и десантник переключился на кого-то другого. Следующие одиннадцать ходок Антон на всякий случай сделал в обход, хотя это было дольше и тяжелее.

Перетащив наконец вещи к зданию вокзала, Антон сел на баул и устало привалился спиной к теплой стене. Было очень душно, и страшно хотелось пить. Он оттянул ворот вымокшей футболки. Напротив него была клумба с розами, их сильный аромат чувствовался даже на расстоянии. Рядом с клумбой стоял небольшой питьевой фонтанчик, но сейчас он не работал. Прислонившись к фонтанчику, сидела старуха-узбечка. Уткнувшись головой ей в колени, спал голый ребенок.

Мимо прошел милиционер в белой рубашке с короткими рукавами. Подозрительно глянул на коробки и бочки.

Антон посмотрел на свои наручные часы — было уже начало первого.

Вдруг из толпы снова возник десантник со шрамом и направился в его сторону. Антону стало не по себе. Тот остановился совсем рядом и вперил в Антона недобрый взгляд.

— Ты куда сбежал, козел? — дыша перегаром, проговорил он.

Антон молчал.

— Это у тебя что? — десантник пнул ногой баул. — Что за шмотье?

Антон поднялся на ноги.

И тут из-за угла вынырнули Алик и Виталий. Оба они чему-то смеялись. Следом появился улыбающийся Виктор — в военной форме и надвинутой на лоб фуражке. В руке у него была сетка с лепешками и полупустой стеклянной бутылкой — весь этот день они проторчали в привокзальной чайхане, мешая зеленый чай с красным портвейном.

— Что случилось, дружище? — Виктор мгновенно оценил ситуацию и подошел к десантнику.

Тот мельком бросил взгляд на бульдозер в петлице и презрительно смерил Виктора взглядом:

— Чего лыбишься, строитель? — его угрожающий тон не обещал ничего хорошего.

— Да так, просто радуюсь жизни, — Виктор продолжал широко улыбаться.

— Ты не знаешь жизни! — резко сказал десантник.

— Ты прав, старик, — обезоруживающе рассмеялся Виктор. — Жизнь слишком сложна, чтобы ее знать...

Подошел Алик:

— Успокойся, брат, такой хороший вечер, давай не будем его портить.

— Я же тебя одним ударом... всех вас... — проговорил десантник, но уже как-то беззлобно, скорее, по инерции.

— Конечно, старина, никто в этом не сомневается, — добродушно сказал Виктор.

— Но лучше глотни вина. У нас отличное домашнее вино. Присядь. Ты сам откуда?

— Из Омска, — десантник как-то вдруг обмяк и присел на одну из бочек.

Виктор сел рядом, достал из сетки бутылку, откупорил, хлебнул прямо из горлышка сам и протянул ему. Тот тоже хлебнул немного. Потом какое-то время сидел, молча уставившись себе под ноги.

— Я в Афгане уродом стал, пока вы тут, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Ты не волнуйся, — Виктор приобнял его и стал что-то негромко ему говорить.

Расстались они как старые друзья, похлопав друг друга по плечу.

С вокзала ехали на небольшом грузовичке. На улицах было очень мало света и совсем не было людей. Город будто вымер. Машина кружила где-то в ночи, и вскоре Антон перестал ориентироваться. Фары выхватывали из темноты то глухую стену дома, то глиняный дувал, то арык, переполненный водой. Ненадолго открылась показавшаяся бескрайней площадь — разноцветные прожектора освещали рассыпающиеся брызгами фонтаны, исполинские стены мечети уходили в черное небо. И снова пошли темные кривые улочки. Ветви невидимых деревьев мягко шуршали по металлическому борту...

На одном из перекрестков метнулся под колеса огромный грязно-белый пес. Он остервенело и бессмысленно кидался на машину, и на его злобное рычание тут же откликнулись из-за заборов другие собаки. Было такое ощущение, что грузовик обложила стая волков. Потом пес отстал — также внезапно, как и появился. А хриплый многоголосый лай еще долго разносился эхом по всей округе...

На базе было темно и тихо. Их встретил Эдик, в трениках и резиновых шлепанцах на босу ногу. Сначала Антону показалось, что здесь никого нет. Но когда глаза попривыкли к темноте, он увидел, что на самом деле народу полно, просто все давно уже спали. На просторном деревянном настиле свободных мест уже не было. Двухэтажные железные кровати, вынесенные на воздух, тоже были заняты. На площадке вокруг бассейна некуда было ступить. По земле ровным слоем были раскиданы ящики, бочки, рюкзаки и баулы... Антон шел, внимательно глядя под ноги, и со всего размаху врезался лицом в мокрую штормовку, висевшую на протянутой между деревьями веревке...

Минут через десять собрались за белым пластмассовым столиком под навесом из лоз незрелого мелкого винограда, сквозь листья которого просвечивала громадная неоновая надпись «Вода — это жизнь!» на крыше высокого темного дома. Огарок свечи в стеклянной банке тускло освещал коробку с остатками торта из «Севера» и абрикосы в эмалированной кастрюле.

Эдик согнал с торта мух и разлил по пиалам зеленый чай. Антон отхлебнул немного и поморщился. Чай показался слишком горьким. Он тихонько поставил пиалу на стол, заел абрикосом.

— Ты чего не пьешь? — удивился Виталий. — Кто час назад умирал от жажды?

— Невкусно, — смутился Антон.

— Привыкай, Тоха, — сказал Алик. — Это же Азия.

— Пей, Антонио, — сказал Виктор. — Вода — это жизнь!

Спать улеглись прямо в саду, под персиковыми деревьями. Было очень тихо, только стрекотали цикады в траве да кто-то негромко перебирал струны. Потом стукнули ворота, раздались обрывки приглушенного разговора и женский смех. И опять все стихло. Уже засыпая, Антон услышал, как невидимый гитарист напевал:

— Куда ты скачешь, мальчик? Темно уже в лесу. Там бродят носороги с рогами на носу...

Выехали рано утром, еще по холодку. Закидали дно машины вещами, сами легли сверху и накрылись тентом. В кузове поместилось человек пятнадцать, еще двое сели в кабину. Со многими Антон уже был знаком, кого-то видел мельком на скалах, но были и совсем новые лица. Все почти тут же опять уснули, но Антон не мог спать. Он приподнялся, упершись локтем в ящик с огурцами. Тент хлопал на ветру, дорога впереди была пуста.

Грузовик почти сразу же выехал из города. За спиной остались голубые купола Регистана. По сторонам шли хлопковые поля и фруктовые сады. Впереди в утренней дымке розовели предгорья Памиро-Алая.

Через пару часов свернули на грунтовку и стали забирать вверх, в сторону высоких, растрескавшихся от засухи склонов. Внизу открылась гигантская долина Зеравшана. По широкой пепельно-желтой каменистой равнине неслись мутные потоки воды, то разветвляясь на многочисленные русла, то сливаясь в одну бешеную реку. К воде сиротливо жались деревья, крошечные островки зелени и редкие, едва различимые сверху дома. Все остальное огромное пространство на многие километры вокруг пугало своей безжизненностью...

К полудню въехали в узкий темный каньон. Стало заметно прохладнее. Теперь машина ползла по раздолбанной колее между нависающим глиняным откосом и двухсотметровым сбросом к реке. Откос подступал так близко, что на крутых поворотах металлические углы кузова прорезали в нем глубокие ржавые полосы. Из-под сползавших в пропасть колес с грохотом падали в реку увесистые камни. Мотор то натужно взывал, то опасно затихал. Громко скрежетала коробка передач.

Почти все проснулись и сели. Антон попытался на всякий случай перекинуть одну ногу за борт, но кузов так качало, что это было опасно. Тогда он просто вцепился со всей силы в лежавший под ним баул. Тем временем Алик прямо на ходу перелез из кузова на подножку кабины и встал там, ухватившись рукой за приоткрытое стекло дверцы.

— Чего это он? — спросил Антон сидевшего рядом Виталия.

— Перевернешься разок в машине, тоже будешь на подножке ездить, — сказал Виталий.

В конце ущелья дорога закончилась. На живописном зеленом лугу разгрузили машину, и она уехала вниз.

Долина несколькими уступами полого уходила наверх. Среди арчовых деревьев зигзагом белела тропа, по бокам шли отвесные желтые скалы, по дну бежала река, искрились на солнце небольшие водопады... А в самом верху долины склоны сходились, образуя темную грядку на фоне голубого безоблачного неба. И там, за этой грядкой, сиял острый снежный пик какой-то вершины. Антон стоял на дороге и заворожено смотрел на его хрустальные ребра, переливающиеся на солнце.

— Любуешься? — Эдик дружески потрепал его по плечу.

— Красиво.

— Запомни, мой юный друг, имя этой горы, — сказал Виктор. — Первой горы, которую ты увидел в своей жизни. Ее зовут Аурондаг.

Ненадолго спустились к реке. Река в этом месте была спокойная, прозрачные потоки плавно текли меж камней. Антон скинул футболку, опустился на колени и зачерпнул воду. Вода была ледяная. Он сделал несколько глотков, и у него заломило зубы. Руки и шея уже успели покраснеть на солнце.

— Смотри, не обгори, — сказал Алик.

Подошел Виталий с пустым рюкзаком.

— За лепешками пойдешь? — спросил он.

— Я вас догоню, — сказал Антон.

Он вернулся к вещам, достал из полиэтиленового пакета белую накрахмаленную рубашку, надел, застегнул на все пуговицы и поднял воротник. Минут через пять, захватившись, нагнал остальных.

— Горы — это праздник, — засмеялся Эдик, увидев рубашку.

— Наш человек, — сказал Виктор.

Кош стоял чуть вверх по склону. Это был низкий, сложенный из камней дом с плоской крышей и дырами вместо окон, пристроенный к огромному камню. На привязи стоял ишак, у порога лежала вязанка сухих веток арчи. Антон внутрь не пошел, остался стоять у невысокого каменного забора. Отсюда был хорошо виден подвесной мостик через реку. Несколько человек, приехавших вместе с ними, уже перешли на другую сторону и медленно поднимались вверх по тропе с первой заброской.

Вскоре вышел Алик, сунул в руки наполненную до краев банку айрана и снова вернулся в дом. Антон осторожно поднес банку к губам и попробовал. Айран был густой и теплый. Он отхлебнул еще немного, а потом стал пить прямо через край. Неожиданно Антон почувствовал на себе чей-то взгляд и поперхнулся. Поставил банку на камень, вытер подбородок, обернулся и увидел наблюдавшую за ним девочку лет четырнадцати, стоявшую у входа в дом. Она была в надвинутом по самые брови платке, цветастом платье и серых байковых шальварах. Босые ноги были черны от грязи, а темные глаза на худом лице смотрели изучающе. Заметив, что Антон ее увидел, девочка тут же скрылась в проеме двери.

Наконец из дома вышел Виталий, а за ним и все остальные. Виталий тащил полный рюкзак лепешек. Алик, Эдик и Виктор несли каждый по две пачки соли.

— Куда столько соли? — удивился Антон.

— На раны сыпать, — засмеялся Виталий.

— Огурцы будем солить, — пояснил Алик. — Думаешь, зачем бочки везем?

Подъем наверх дался с невероятным трудом. Лямки рюкзака впивались в плечи, сердце бешено колотилось, пот заливал глаза, в горле пересохло, ватные ноги отказывались идти.

После первого взлета остановились передохнуть. Антон повалился на землю. В голове была пустота, склоны долины странно колебались в прозрачном воздушном мареве, а звуки он слышал как будто сквозь легкую пелену. Полежав немного в таком полузабытьи, Антон поднялся и вдруг почувствовал неожиданную легкость. Словно кто-то тянул его вверх. Он пошел к ручью, сел на траву и стал наполнять флягу. Здесь была тень, вода негромко журчала, и хотелось так сидеть бесконечно. Антон уже поднялся, чтобы уйти, когда на той стороне ручья, между деревьями, блеснула на солнце медная табличка, прибитая к невысокой скале. Он перебрался по камням поближе, раздвинул ветки арчи. С эмалевой фотографии на него глядел улыбающийся молодой человек...

Антон вернулся притихший, молча сел на рюкзак. Все как обычно чему-то смеялись, но, увидев реакцию, замолчали, переглянулись между собой.

— Что делать, Антонио, — сказал Виктор. — Такие правила у этой игры.

— Да не пугай ты парня, — сказал Эдик.

— А я и не пугаю.

Антон сидел совершенно подавленный и смотрел в землю.

— Иначе, Антоха, все это будет обычной загородной прогулкой, пикником, — Виталий поднялся на ноги. — Но ты об этом лучше не думай.

Солнце уже коснулось ближайшего хребта, когда вышли наверх, под самый перевал. Ящики, тюки и бочки кинули на небольшой ровной поляне, и все, кроме Антона, поспешили обратно, чтобы наутро снова подняться с остатками груза.

Антон остался один. Повесил мокрую от пота рубашку на ветку арчи, сел на баул и стал смотреть в сторону долины, откуда они только что пришли.

В оранжевом вечернем свете все выглядело как-то по-домашнему. Мягкие травянистые склоны плавно опускались вниз. Деревья, словно расставленные детской рукой, отбрасывали длинные тени. Скалы обрели рельеф и перестали казаться неприступными. Вода на дне ущелья стала бирюзовой, а в разливе на поляне — изумрудной. На лугу паслись лошади, из очага возле дома расплзался серый дымок. От коша поднималось вверх стадо баранов, немного в стороне шел пастух, рядом с ним бежала собака. Ниже был виден их маленький временный лагерь — Антон насчитал восемь человек, значит, остальные еще спускались. Вниз по дороге ехал мотоцикл с коляской...

А за ближайшим, плавно окаймлявшим долину хребтом открывались другие хребты. Казалось, они были нарисованы акварелью. По мере отдаления их голубоватые силуэты становились все ниже, положе и прозрачнее. И, наконец, где-то там, за последним из них, угадывалась в сизой вечерней дымке равнина.

Но Антону не терпелось увидеть плато. Сейчас его загораживал небольшой взлет, за которым ничего не было видно. На перевал можно было подняться по тропе, но она вносила довольно далеко вбок. И Антон стал карабкаться прямо вверх по склону, скользя кедами по траве и цепляясь руками за теплые белые камни, торчащие из земли. Под конец он ухватился за ветку арчи, подтянулся, вылез наверх, прошел еще немного по шершавым скальным лбам и остановился на самом краю чаши.

Открывшийся вид поразил величественной марсианской безжизненностью и странным тревожным безмолвием. Серые каменные осыпи, начинавшиеся прямо у ног, полого уходили вниз — к мертвенно гладким зеркалам озер, лежавшим в окружении бледных, растрескавшихся ледников. От ледников поднимались вверх крутые снежные склоны, упиравшиеся в подножие темной отвесной стены, перегораживающей небо.

Сама стена тоже выглядела устрашающе. Гладкие скальные бастионы мерцали прожилками натечного льда. На километровой высоте блестел панцирь вечных снегов. Фирновые предвершинные гребни кроваво отсвечивали в закатных лучах уже невидимого солнца.

Антону стало не по себе. С плато тянуло арктическим холодом. Захотелось поскорее вернуться назад, под уютную арчу.

В этот момент вдруг раздался странный звук, немного похожий на хлопок ладоней, и вслед за ним — грохот. Антон сначала даже не понял, откуда идет этот грохот. Но тут же увидел, как гигантская часть висячего ледника откололась, медленно отошла в сторону и рухнула вниз. Тонны льда, сдирая и унося вниз куски стены, устремились к подножию и ударились в белый снежный конус. В одно мгновение чистая поверхность снежника превратилась в грязно-серое крошево. А по стене еще долго текла ледовая река, напоминавшая гигантские песочные часы...

С гнетущим чувством Антон вернулся назад. Расстелил на траве шатер, достал из рюкзака спальник, надел свитер. Начало стремительно темнеть. Он лег на землю и стал глядеть в небо. Появились первые звезды — яркие и огромные, Млечный Путь замерцал перед глазами... Антон посмотрел в сторону долины — над равниной висело едва различимое зарево огней. Где-то там, страшно далеко отсюда, были шумные вечерние улицы, смех, музыка.

Но внезапно появившийся страх не давал успокоиться. Антон поднялся. Какая-то сила тянула его снова взглянуть на плато. На этот раз он пошел в обход по еле видимой, но еще различимой, тропе и вскоре опять выбрался на край чаши. В ночи плато выглядело

еще более суровым и мрачным. Низкий туман стлался тонким облаком над поверхностью озер...

И вдруг там, в этом тумане, на другой стороне безжизненного озера, среди мертвых каменных осыпей и холодных льдов, он увидел мерцающий огонек. Приглядевшись, Антон понял, что это костер. Значит, на плато были люди...

Антон, не отрывая взгляда, присел на камни. Слабый огонек костра притягивал к себе, как магнит. Он был как далекий маяк, как путеводная звезда в бескрайней ночи. И неожиданно мертвый и холодный мир вокруг чудесным образом преобразился — он стал теплым и одухотворенным...

И тогда Антону показалось, что там, у этого огня, все должно быть не так, как внизу. Что там ведется какой-то другой счет. Что там ему всегда будут рады. И постараются понять. И будут ценить что-то истинное и главное в нем...

А в самом конце лета он снова стоял на этом же месте и оглядывался назад, чтобы навсегда запомнить эти озера, эти горы и эти осыпи. Это не было прощанием. Антон знал, что еще вернется сюда. Он принял правила игры.

В Самарканд спустились поздно вечером.

На базе сидели за тем же пластмассовым столиком, что и два месяца назад. Прямо над головой висели кисти уже созревшего винограда. Антон, не вставая, протянул руку и сорвал крупную спелую гроздь. В неоновой надписи «Вода — это жизнь!» перегорели две первые буквы.

Эдик разлил по пиалам вино, все выпили, Антон тоже глотнул немного. Виктор глубоко вздохнул, поставил опустевшую пиалу на стол и откинулся на спинку раскладного стула.

— Да — это жизнь! — убежденно сказал он.

Антон открыл дверь ключом, бывавшим в других мирах. В прихожей оставил дыню и кинул рюкзак, на дне которого лежала тетрадка с песнями Визбора, рецепт плова, записанный на обратной стороне конверта, и украденная в самолете аэрофлотовская чашечка. Зашел в свою комнату и сел на диван. Форточка была приоткрыта, и тюлевая занавеска чуть колыхалась в такт ветру. С детской площадки доносился визг, смех и собачий лай.

После бескрайних азиатских просторов все показалось каким-то игрушечным — и комната, и окно, и вид за окном. Дотянувшись, он взял со стола учебник по алгебре, повертел в руках и отложил в сторону. Потом встал, пошел на кухню — на столе ждал обед. Заглянул в комнату родителей, провел пальцем по крышке пианино, оставив темный след на слое пыли.

Выходя обернулся, и на мгновение увидел свое отражение в мамином трюмо: медная, задубевшая от солнца и ветра кожа, длинные выцветшие волосы, пропыленные штаны, подпоясанные обрывком веревки, часы, висящие на шее — на шнурке от ботинок. А на белой рубашке — огромными красными буквами через всю спину — молитва тибетских монахов «Ом мани падме хум». Слова были написаны одно под другим и свободно прочитывались метров с тридцати...

Эта рубашка была единственной, и мама огорчилась. В раствор стирального порошка, который по иронии судьбы назывался «Лотос», она тайно от Антона всыпала тройную дозу отбеливателя. Но это не помогло, даже наоборот. На чистом хлопке надпись приобрела какой-то добротный фирменный вид.

Первое сентября выдалось пасмурным. На линейку Антон опоздал. Вся школа уже выстроилась каре — как декабристы на Сенатской — возле спортзала. Еще издали была

слышна музыка и голос директрисы, усиленный громкоговорителем. Пионеры уже заканчивали читать стихи, когда Антон нашел своих. Он протиснулся в последний ряд и остановился, бросив портфель на землю и зажав его ногами. Боб стоял в первом ряду, и Антон помаhal ему рукой.

— Тебя Серафима ищет, — сказал стоявший неподалеку Илюша.

— Зачем?

— Не знаю.

Тем временем слово взял инструктор райкома. Антон пытался высмотреть Варю, но их класс стоял в самом углу, сбоку, и там вообще никого не было видно.

Кто-то тронул его за плечо, он обернулся и увидел Серафиму. Она поманила его пальцем.

— Оставь портфель и быстро иди за мной, — сказала она.

— Куда?

— Не задавай лишних вопросов.

Ничего не понимая, Антон всучил портфель Илюше и пошел за ней. Серафима поднялась на школьное крыльцо и скрылась за дверью.

В вестибюле на скамейке сидела крошечная, похожая на куклу девочка в белоснежном крахмальном переднике. В руке она сжимала колокольчик.

— Ты у нас спортсмен, так что давай, — Серафима аккуратно расправила огромные банты на голове девочки. — Обойдешь три раза по кругу, больше не надо. Только будь, пожалуйста, осторожен. Пойдем, Алена.

Девочка слезла со скамейки, и колокольчик глухо звякнул в ее руке.

— Держи его вот так, — Серафима взяла руку девочки, продела два ее пальца в колечко и поболтала. Колокольчик зазвенел. — Поняла? Ну-ка, попробуй сама.

Девочка тряхнула рукой, и колокольчик снова зазвенел.

— Ну, все, пошли.

Они спустились вниз и остановились за спинами родителей.

Купленный четыре года назад пиджак жал в плечах и, когда Антон поднимал девочку, треснул по шву.

— Снимай, только быстро, — сказала Серафима. — В рубашке даже наряднее будет.

Антон опустил девочку на землю. Она действительно была как кукла. Ей, кажется, было все равно, куда ее сажают, ставят или несут.

— А теперь, — микрофон снова взяла директриса, — для вас, наши дорогие первоклассники, прозвучит первый в вашей жизни школьный звонок!

Наступила тишина. Антон быстро скинул пиджак, сунул его в руки Серафиме, расстегнул ворот рубашки, закатал рукава по локоть, снова подхватил девочку и посадил на плечо. После бочек с огурцами он вообще не почувствовал ее веса.

— Ну, давай, — Серафима чуть подтолкнула его вперед.

Родители впереди расступились, и Антон сначала пошел, а потом вдруг легко и уверенно побежал.

Колокольчик заливался прямо над ухом, боковым зрением он видел лица, банты, море цветов — все это было смазано, как будто он кружился на карусели. Мелькнула Варя, болтавшая с подружкой, Шива со знаменем школы, красная трибуна, где стояли директриса, обе завучихи, инструктор райкома и шефы с завода «Большевик». Потом сзади раздался чей-то смех...

После уроков Боб сказал, что все, как замороженные, глазели на его спину. Малышня так даже пальцем показывала. (Десять лет спустя футболка без надписи будет смотреться, как пустой экран в кинотеатре. А пока что все было очень строго — белый верх, серый низ, и никаких тебе вольностей.) Особенно напрягало — считал Боб — последнее слово из трех букв «хум», не очень ясно читавшееся в складках заправленной в штаны рубашки...

После благополучного приземления девочки Серафима как-то странно посмотрела на Антона. Стоявшие поблизости мамы тоже с улыбкой поглядывали в его сторону. Пока он одевался, сквозь толпу пробилась раскрасневшаяся парторг школы Романова.

— Что ты себе позволяешь?! — гневно прошипела она.

— В каком смысле? — Антон с удивлением посмотрел на нее.

— Что все это значит? — Романова со всей силы трянула его за воротник рубашки. — Что за слова у тебя на спине?!

О, драгоценность в цветке лотоса! Антон в ужасе вспомнил про трафарет, и у него похолодело внутри...

Но через мгновение он вдруг успокоился. Не спеша поправил воротник, застегнул на все пуговицы лопнувший пиджак. И сказал, что слова на его спине означают «Коммунистическая партия Советского Союза». По-таджикски.

— Ладно, иди в класс, — в глазах парторга была угроза. — Потом разберемся. И чтобы завтра был коротко подстрижен.

Первым уроком была литература. Ираида написала на доске тему сочинения — «Кем я хочу быть?» — и вышла. Одноклассники довольно быстро уgomонились, раскрыли тетрадки и погрузились в мечты о будущем. Сидевшая рядом Ирка Воробьева что-то быстро строчила своим крупным детским почерком. Боб по обыкновению грыз колпачок шариковой ручки...

И только Антон не мог собраться с мыслями и смотрел в окно. Контурь окружаю-щей действительности расплывались. Физическое тело находилось в классе литературы, а душа была где-то далеко. Он все никак не мог вернуться в реальность.

Он был совершенно заморожен этим удивительным миром, в который попал, и людьми, которые этот мир населяли. И единственное, чего ему по-настоящему хотелось, — это быть там, рядом с ними...

Он был совсем как Буратино, который по дороге в школу увидел на пристани по-лотняный балаган, украшенный разноцветными флагами.

— Возьмите мою курточку (тем более что она треснула по шву). Заберите мою но-вую азбуку. Только дайте, пожалуйста, билет на самый первый ряд!

И Антон, наконец, очнулся, взял ручку и написал, что хочет быть архитектором.

купить полную электронную версию текста

<http://grigorysidko.ru/el.html>

купить книгу

http://grigorysidko.ru/lubov_i_krov.html